

Научная статья

УДК 316.4; 93

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-79-91

Полемика с Иммануилом Валлерстайном: промышленная революция и глобализация как великие переломы Нового времени

Олег Константинович Трубицын

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

trubitsyn77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4549-0405>

Аннотация

И. Валлерстайн заявляет, что единственная социальная революция, или «великий перелом» Нового времени, – это формирование в течение «долгого» XVI века европейского капиталистического мира-экономики. Вопреки этому автор утверждает, что в истории Нового времени можно выделить еще два великих перелома. Первый из них – промышленный переворот XIX века, когда совпали три процесса, спровоцированные изобретением парового двигателя, – механизация фабричного производства, энергетическая революция и смена логистического уклада. Для возникновения глобализации потребовалось сочетание нескольких обстоятельств, сложившихся в единый комплекс в конце XX века: поглощение капиталистической мир-системой оставшихся крупных внешних зон, информационно-коммуникационная революция, установление геополитического униполяризма, доминирование в мировом масштабе идеологии неолиберального глобализма.

Ключевые слова

мир-экономика, капитализм, социальная революция, промышленный переворот, глобализация, геополитика, мировой порядок, гегемония

Для цитирования

Трубицын О. К. Полемика с Иммануилом Валлерстайном: промышленная революция и глобализация как великие переломы Нового времени // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20. № 2. С. 79–91. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-79-91

© Трубицын О. К., 2022

The Controversy with Immanuel Wallerstein: the Industrial Revolution and Globalization as the Great Turning Points of Modern Times

Oleg K. Trubitsyn

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

trubitsyn77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4549-0405>

Abstract

I. Wallerstein states that the only social revolution, or the “great turning point” of Modern Times, is the formation of the European capitalist world–economy during the “long” XVI century. Contrary to this, the author argues that two more great fractures can be distinguished in the history of Modern Times. The first of them was the industrial revolution of the XIX century, when three processes coincided, provoked by the invention of the steam engine – the mechanization of factory production, the energy revolution and the change of logistics. The emergence of globalization required a combination of several circumstances that developed into a single complex at the end of the twentieth century: the absorption of the remaining large external zones by the capitalist world system, the information and communication revolution, the establishment of geopolitical unipolarism, the dominance of the ideology of neoliberal globalism on a global scale.

Keywords

world-economy, capitalism, social revolution, industrial revolution, globalization, geopolitics, world order, hegemony

For citation

Trubitsyn O. K. The Controversy with Immanuel Wallerstein: the Industrial Revolution and Globalization as the Great Turning Points of Modern Times. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 79–91. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-79-91

Иммануил Валлерстайн – недавно умерший классик современного социального познания, среди прочего прославился смелыми опровержениями многих устоявшихся трактовок различных социальных процессов и событий. Так, например, он доказывал, что Великая Французская буржуазная революция не была на деле буржуазной, что Советский Союз оставался частью капиталистической мировой системы, что распад СССР стал предвестником не укрепления американской гегемонии, а ее крушения, и многое другое. Сейчас нас интересуют три его взаимосвязанных утверждения, также выступающие опровержением широко распространенных взглядов, а именно: 1) единственная фундаментальная социальная революция, или «великий перелом» Нового времени – это формирование в течение «долгого» XVI века европейского капиталистического мира-экономики; 2) так называемая «промышленная революция» конца XVIII – начала XIX века не была социальной революцией в подлинном смысле слова, т. е. будучи постепенным эволюционным процессом, характерным для всей истории капиталистического мира-экономики, она не стала вторым великим переломом; 3) то, что сейчас принято называть глобализацией, также вовсе не является исторически новым явлением, еще одним великим переломом – скорее это еще один аспект развития европейского мира-экономики на протяжении пяти веков и постепенной транс-

формации его во всемирную капиталистическую систему (капиталистическую мировую систему) [Валлерстайн, 2000].

Рассмотрим данные утверждения подробнее. Они являются развитием исходного тезиса о том, что эпоха Модерна начинается в период долгого XVI века, когда формируются основы современной мировой системы в виде европейского мира-экономики, носящего по своей сути капиталистический характер. При этом экспансионизм и «кумулятивное, самоподдерживающееся изменение в форме бесконечного стремления к накоплению было лейтмотивом капиталистического мира-экономики, начиная еще с его возникновения в XVI веке» [Валлерстайн, 2016 (6). С. 27]. Таким образом, тенденции к индустриализации и глобализации заложены в самой сути этой системы. Второй тезис является развитием первого, опровергая представления о том, что рубеж XVIII и XIX веков является революционной эпохой, когда доиндустриальное общество Премодерна сменилось индустриальным обществом Модерна. Понятие промышленного переворота, связанное с данным периодом, является дезориентирующим. Третий тезис выступает опровержением популярной точки зрения¹, согласно которой с конца XX века общество впервые в истории вступило в эпоху глобализации. Глобализация при этом связывается с ослаблением регулирующей роли национальных государств, усилением влияния ТНК и культурной унификацией (американизацией). По мнению И. Валлерстайна, это обман, навязанный нам властными элитами. На деле же, действительно, мы стоим на пороге нового великого перелома – краха капиталистической мировой системы. 1991 г. – это третьестепенная историческая веха, значимая для жителей СССР в связи с его распадом, а также остального мира – в связи с закатом американской гегемонии. По значимости она уступает второстепенной исторической вехе – 1945 г., когда начался кондратьевский цикл, связанный на его А-фазе с установлением американской гегемонии.

Наша задача не столь амбициозна – защитить некогда популярные, но теряющие признание в связи с убедительной критикой со стороны И. Валлерстайна, положения о том, что: 1) с начала Нового времени произошло три великих перелома, первым из которых, действительно, было формирование европейского мира-экономики, как и утверждает И. Валлерстайн; 2) промышленный переворот XIX века был не менее, а может, и более значимой вехой в развитии современной цивилизации – вопреки тезису И. Валлерстайна²; 3) третьей ключевой точкой и великим переломом в развитии мировой капиталистической системы стал период конца XX – начала XXI века, связанный с попыткой реализации проекта глобализации как либерального конца истории.

Весьма вероятно, что попытка глобализации оказалась чрезмерно амбициозной и саморазрушительной для капиталистической мировой системы. Ее провал открыл дорогу деглобализации, которая может привести к краху системы, как и предполагал И. Валлерстайн. Однако последнее утверждение является на данный момент спорным и может рассматриваться скорее как прогностическая гипотеза, а не констатация состоявшегося факта. Оставим эту тему для даль-

¹ Которую, в частности, обосновывает и автор данной статьи [Трубицын, 2005].

² О том, что Модерн следует отождествлять скорее с индустриализацией, чем с развитием капитализма, говорится в нашей предыдущей статье [Трубицын, 2020].

нейшего исследования, а пока сосредоточимся на аргументах за и против альтернативных интерпретаций промышленного переворота и глобализации.

Итак, И. Валлерстайн начинает с методологического требования необходимости обнаружения в истории переломных точек, т. е. революционных эпох, когда в развитии общества происходит качественный разрыв с предыдущим состоянием. Если исходить из противоположного утверждения, то история видится как континуальный процесс эволюции изначально существующих институтов. Пожалуй, даже радикальные сторонники такого подхода согласятся, что неолитическая революция и зарождение цивилизации были качественными трансформациями, однако предполагается, что капиталистические институты и глобализация развивались с древнейших времен. (Интересно, скажет ли кто-либо подобное об индустриализме?) И. Валлерстайн не согласен с подходом, согласно которому у капитализма, индустриализма и глобализации нет начала и конца, а имеет место постоянный процесс экспансии рынков и культур, развития производства и т. п. Он исходит из того, что начало должно быть, поскольку в древности капиталистические институты либо отсутствовали полностью, либо играли пренебрежимо малую роль, промышленность развивалась на базе ручного труда со слабым развитием кооперации производства, а общества (мини-системы) имели локальный характер.

С другой стороны, XIX век – слишком поздний период для датировки великого перелома, т. е. формирования общества Модерна – возникновения капитализма, индустрии и глобализации. И. Валлерстайн стремится опровергнуть популярную точку зрения, согласно которой «в конце XVIII – начале XIX веков произошло некое качественное историческое изменение» [Валлерстайн, 2016 (б). С. 3], будто бы тогда «случились и “первая” промышленная революция в Великобритании, и “образцовая” буржуазная революция во Франции» [там же], т. е. возникло общество Модерна. На самом деле, «феномен, который можно назвать европейским миром-экономикой, возник в конце XV – начале XVI веков» [Валлерстайн, 2016 (а). С. 15], а развитие промышленности и пространственных связей на дальние расстояния – его необходимые атрибуты. Первоначально не было образцового «марксистского» индустриального капитализма в развитой форме с его классовым дуализмом промышленной буржуазии и пролетариата. Но была структура, толкающая к бесконечному накоплению капитала, было географическое «ядерно-периферийное» разделение труда, были монополии и циклы. В странах ядра постепенно формировался союз обуржуазившейся аристократии и буржуазии, главенствующий над пролетаризирующимися крестьянами, в то время как на периферии вполне могли процветать рабство и крепостничество (а позднее и так называемый «социализм»). Таким образом, для И. Валлерстайна великий перелом происходит в течение долгого XVI века, когда формируется общество Модерна, т. е. система международного разделения труда в форме мира-экономики, для которого характерно сочетание капитализма, индустриализации и глобализации.

Теперь перейдем к критике взглядов И. Валлерстайна. Начнем с положения, с которым, безусловно, следует согласиться: континуализм и увековечивание капитализма и глобализации неверно, поскольку наличие в древности отдельных присущих им элементов еще не означает их полноценного существования. Име-

ющие второстепенное значение и подчиненные чуждой логике, эти элементы не образуют собственную систему, а являются инородными вкраплениями в иной системе. Как указывают, например, Р. Хейлбронер и Л. Туроу [1994], все общества до Нового времени были некапиталистическими, поскольку там отсутствовали или были недостаточно развиты ключевые институты капитализма. В частности, отсутствовал институт частной собственности в том смысле, что не существовало идеи неприкосновенности чужой собственности. Также отсутствовала и рыночная система: существовали рынки товаров, но не было рынков факторов производства и отсутствовала обширная сеть договоров, связывающих воедино всю экономику. Было повсеместно распространено внеэкономическое принуждение к труду, а богатство выступало, как правило, атрибутом власти. Основания для выделения долгого XVI века в качестве даты рождения капитализма у данных авторов, а также К. Маркса и И. Валлерстайна, различаются, но общий вывод одинаков: полноценный капитализм появляется только в Новое время. Отсюда, однако, не вытекает истинность положения И. Валлерстайна о единственном великом переломе, т. е. о том, что возникновение мира-экономики, капитализма, индустриализма и глобализации произошло одновременно. Более обосновано считать, что данные процессы взаимосвязаны, но их зарождение разнесено во времени.

Если говорить о таком феномене, как мир-экономика, то само его существование является далеко не очевидным фактом, поскольку критерии выделения не вполне четки. Согласно И. Валлерстайну, «мир-экономика – это “мировая” система не потому, что он объединяет в своих пределах весь мир, а потому, что он больше любой юридически определенной политической единицы. И это именно “мир-экономика”³, поскольку основная связь между частями системы имеет экономический характер, хотя в определенной мере она была усилена культурными связями...» [Валлерстайн, 2016 (а). С. 15]. В связи с этим он рассуждает о формировании на территории Европы двух локальных миров-экономик в период Средних веков, объединение которых и породило мир-систему Модерна в период долгого XVI века⁴. Также он признает существование хронологически предшествующих миров-экономик в разных регионах мира, которые либо погибали, либо трансформировались в миры-империи. А. Г. Франк и Б. К. Джиллс [1993], используя более мягкие критерии, провозглашают существование с эпохи Древности единственной мир-системы, частью которой европейская цивилизация является изначально.

С нашей точки зрения, для адекватного решения вопроса о сущности и датировке глобализации стоит разделять интеграционные надгосударственные системы трех типов – в зависимости от уровня развития международного разделения труда.

1. Слабоинтегрированные международные рыночные сети, выделяемые на основе минимальных критериев, в частности «единая мир-система» А. Г. Франк-

³ Курсив Иммануила Валлерстайна.

⁴ «В пределах Европы было, по крайней мере, два меньших по размерам мира-экономики. Первый из них, средний по площади, базировался в городах-государствах северной Италии, второй (меньших размеров) – в городах-государствах Фландрии и северной Германии» [Валлерстайн, 2016 (а). С. 42].

ка. В модели И. Валлерстайна такими критериями являются связи мир-экономики с ее внешней сферой; проводится разделение связей центр-периферийного характера и связей с внешней сферой на основании следующего критерия: торговля с внешней сферой является обоюдовыгодной, но малозначимой и ведется в основном «престижными» товарами, а торговля с периферией – неэквивалентная, обмен жизненно важных товаров, который нужен каждой из сторон для самообеспечения и который нельзя прекратить без негативных последствий [Валлерстайн, 2016 (6). С. XIII–XIV].

2) Среднеинтегрированные международные рыночные сети – собственно валлерстайновские миры-экономики, где внутренние процессы стран-участников в решающей степени определяются их местом в иерархии мира-системы.

3) Высокоинтегрированные транснациональные рыночные сети – гипотетический более высокий уровень интеграции, чем это предполагается критериями мира-экономики. Глобализация как проект предполагает формирование единой всемирной (глобальной) системы, в рамках которой теряется тот уровень автономии, т. е. относительной целостности и самодостаточности, который присущ национальным хозяйствам в рамках мира-экономики. Глобализация – процесс трансформации мировой капиталистической системы (по сути мира-экономики) в глобальную систему, где основные процессы определяются функционированием транснациональных сетей.

Рассмотрим несколько примеров международных рыночных сетей.

Сложно определенно сказать, когда возник первый мир-экономика, но слабоинтегрированные международные рыночные сети существовали еще в эпоху древности. По крайней мере, о наличии подобного феномена можно говорить по отношению к взаимосвязанным средиземноморским цивилизациям бронзового века. Но эта мир-система не была ни глобальной, ни индустриальной, да и рыночные отношения имели здесь не вполне капиталистический, а подчиненный и вторичный характер. Так что сами эти древние общества были совершенно не капиталистическими. Эту мир-систему постигли крах и дезинтеграция. Современные историки по-разному оценивают причины этого события, сейчас преобладают многофакторные схемы, когда среди причин краха цивилизаций бронзового века называют стихийные бедствия, иноземные нашествия и др. Но чаще всего причиной называют крах международной торговли из-за пиратства [Cline, 2015; Dickinson, 2006]. О. Дикинсон даже называет это «издержками глобализации», т. е. платой за взаимозависимость. Называть это «глобализацией» неверно, поскольку это была лишь локальная слабоинтегрированная рыночная сеть. Тем не менее ее дезинтеграция способствовала краху или стагнации ряда участвующих в ней обществ.

Великий шелковый путь – логистическая ось, на которой держится модель единой мировой системы А. Г. Франка. Определенно, его функционирование способствовало относительному подъему и процветанию некоторых обществ-участников, в частности транзитных посредников в Средней Азии. Соответственно упадок значения Пути спровоцировал их упадок и долгосрочную стагнацию. Важный момент – в данном случае уровень развития рыночных сетей не был настолько высоким, чтобы способствовать развитию капитализма в обществах-участни-

ках, так что до уровня мира-экономики в «валлерстайновском» смысле Великий шелковый путь не дотягивает.

Аналогичные связи имелись между Европой и Азией в XVI веке. Когда португальцы установили регулярный контакт с Южной Азией и Дальним Востоком, то «основы внутренней жизни Азии этот контакт не затронул. Поэтому вряд ли стоит утверждать, что производство первичной продукции в азиатском регионе было составной частью европейского разделения труда того времени» [Валлерстайн, 2016 (а). С. 410].

СССР и КНР, по крайней мере до 1970-х гг., правильнее считать партнерами капиталистического мира-экономики по слабоинтегрированной рыночной сети, его внешней сферой, а не составной частью, поскольку функционирование и развитие этих двух стран не определялось их положением в системе международного разделения труда в рамках мира-экономики. Наиболее очевидный признак невключенности в капиталистическую мировую систему – то, что доллар США не использовался странами СЭВ в расчетах между собой, т. е. не выполнял роли мировых денег.

Капиталистическому миру-экономике присуща склонность к экспансионизму, что побуждает его втягивать в свой состав пока еще не инкорпорированные территории. «Циклические процессы внутри капиталистического мира-экономики периодически приводили к ситуациям, в которых для поддержания низких издержек по производству периферийных товаров требовалось включать в мир-экономику новые регионы, т. е. “инкорпорировать” их в рамках разделения труда» [Валлерстайн, 2016 (б). С. XIV]. По сути, это описание тенденции, приведшей к глобализации, но еще не самой глобализации. Минимальное требование к условиям начала глобализации как перехода интеграции рыночных сетей на новый, более высокий, нежели мир-экономика, уровень, – это уже состоявшийся факт предельной географической экспансии – трансформации европейского мира-экономики во всемирный. Сам И. Валлерстайн указывает на такой критерий единства мира-экономики как способность торговца объехать его за 60 дней. Таковым «шестидесятидневным» был, по мнению Ф. Фрида, мир Римской империи, согласно Ф. Броделю – средиземноморский мир XVI века. Мир в целом стал таковым только в начале XX века.

Границы мира-экономики определяются логистикой в том смысле, что только расстояния, не превышающие определенную длительность по времени, рентабельны для систематической торговли товарами массового потребления. Поэтому «система начинает расширяться вовне до того момента, пока она не достигает точки, где убыток оказывается больше выгоды. Одним из факторов, устанавливающих пределы расширения, является, конечно, расстояние – производная от текущего состояния технологий...» [Валлерстайн, 2016 (а). С. 417]. Таким образом, сам И. Валлерстайн считал, что экспансия мира-экономики и возможность начала глобализации зависят от уровня развития транспортных технологий. Это утверждение подводит нас к предположению, что индустриализация должна предшествовать глобализации, обеспечив такую ее предпосылку как развитая транспортная инфраструктура.

Прежде чем перейти к объяснению того, почему автор данной работы настаивает, что полноценная модернизация, связанная с промышленным переворотом, началась в конце XVIII – начале XIX века, а не ранее, как считает И. Валлерстайн, затронем еще одну проблему – неустойчивость прочих миров-экономик на фоне удивительной жизнестойкости европейского. И. Валлерстайн утверждает, что «до наступления эпохи Модерна миры-экономики были в высшей степени нестабильными структурами, которые стремились либо к превращению в миры-империи, либо к дезинтеграции» [Валлерстайн, 2016 (а). С. 428]. Одной из причин нестабильности обществ аграрной эпохи была неизбежность попадания общества в мальтузианскую ловушку в случае его успешного развития. Единомышленник Т. Мальтуса, Д. Рикардо, уточнил известную модель опережающего роста населения последнего, дополнив ее моделью распределения доходов [История экономических учений, 2003. С. 70–74]. Из нее следует, что чем больше капитала в стране, тем менее плодородные почвы вовлекаются в оборот. Экстраполяция этой тенденции подвела его к пессимистическому прогнозу, согласно которому с развитием капитализма и вовлечением в оборот все менее плодородных земель общество приближается к ситуации, когда отдача от вложения капитала станет нулевой и экономический рост остановится. Получается, что не только неудача в экономическом развитии аграрного (в том числе капиталистического) общества, но и успех ведет к кризису. О том же говорит факт лесного кризиса, на пороге которого оказалась Англия к началу XIX века. Рост населения и развитие промышленности требовали все больше леса. «Из дров в Англии делали не только уголь для выплавки железа. Лес валили для постройки домов, амбаров и изгородей, для производства стекла и рафинирования свинца, для сооружения мостов, доков, шлюзов, канальных барж и крепостей, для производства бочек под пиво и сидр... Многие из этих отраслей потребляли дерева не меньше, чем военно-морской флот»⁵. Массовая вырубка лесов поставила под угрозу выживание английского ремесленно-мануфактурного производства и самого государства. Капиталистическое общество в Англии в определенный момент оказалось на пороге краха, что могло привести к дезинтеграции весь мир-экономику.

Что же сделало европейский мир-экономику сильным и относительно устойчивым, способным к глобальной экспансии? Что позволило ему, наконец, просто выжить и выбраться из мальтузианской ловушки? Модель И. Валлерстайна, отрицающая промышленный переворот, не дает полного ответа на эти вопросы. Она подчеркивает важность сочетания таких процессов, как свершение Великих географических открытий, что привело к росту трансатлантической торговли, и формирования патовой ситуации в европейской геополитике. Это позволило избежать трансформации мира-экономики в мир-империю, а также способствовало экспансии капиталистических элементов. Но, как было отмечено выше, все это еще не позволяло избежать мальтузианской ловушки. Капитализм, хотя и способствовал более эффективной организации производства, сам по себе не решал проблему низкой производительности труда и низкой урожайности, следо-

⁵ Нет леса – нет и королевства: как в Англии закончилась древесина и началась эпоха угля. Режим доступа: URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/418657-net-lesa-net-i-korolevstva-kak-v-anglii-zakonchilas-drevesina-i-nachalas-epoha> (дата обращения 08.05.2022).

вательно, массовой нищеты, избытка «лишних людей». Отсюда оправданность рикардianского капиталистического пессимизма и угроза гибели капитализма и дезинтеграции мира-экономики. Так что если бы не промышленный переворот, мир-экономика мог бы войти в зону экзистенциального кризиса, так и не став полноценно капиталистическим.

Здесь наиболее важна не столько та сторона промышленного переворота, на которую обычно обращают внимание, – механизация труда, сколько другая – переход на невозобновляемые источники энергии (углеводороды, первоначально уголь). Именно энергетический переход позволил совершить революционный рывок в прежде медленно нарастающей индустриализации производства, который не могли обеспечить гидравлические двигатели, что открыло дорогу резкому росту производительности труда, развитию промышленных классов, следовательно, усилению капиталистических элементов и стабилизации мира-экономики. Становление индустриально-капиталистической системы привело к модернизации образа жизни и социальных отношений, способствуя урбанизации, распространению массового образования, бюрократизации. В пользу значимости энергетического перехода говорит еще одно соображение. И. Валлерстайн задается вопросом, почему гегемоном XIX века стала Великобритания, а не Франция, но не находит достаточно убедительного ответа. Как представляется, решающим обстоятельством стало наличие именно у Великобритании огромных угольных запасов, ставших основой для промышленной революции.

Важнейшим следствием энергетического перехода в сочетании с изобретением парового двигателя оказался переход на новый транспортно-логистический уклад, начавшийся в первой половине XIX века. До этого перемещение по морям и суше осуществлялось примерно так же, как и в древние времена. Корабли на заре эпохи Великих географических открытий были серьезно усовершенствованы, но по-прежнему в решающей степени зависели от силы и направления ветра. Основой внутриконтинентальной торговли оставались речные пути. Теперь же пароходы позволили организовать более быструю, дешевую и предсказуемую перевозку по морям, меньше зависящую от прихотей природы. Развитие сетей железнодорожного транспорта и вовсе стало подлинной революцией в организации внутриконтинентальных сообщений. Достаточно посмотреть на историю нашего южно-сибирского края, вырванного из дремотной изоляции строительством Транссиба.

Все это произошло определенно не в XVI, а лишь в XIX веке. Таким образом, современность (Модерн) полноценно начинается с промышленной революции, а предшествующее развитие европейского капитализма и мира-экономики выступает исторической предпосылкой и предшествующим, подготовительным этапом модернизации⁶. В XIX веке европейский мир-экономика превратился в мировую капиталистическую систему, инкорпорировав в свой состав оставшиеся крупные внешние зоны. Но интеграция мира-экономики не была прочной, и вследствие

⁶ Здесь возможны разные интерпретации, в зависимости от того, какой фактор признается ключевым для фиксации начала процесса модернизации. Например, Н. С. Розов [2018] выделяет следующие этапы: предистория модерна (начало XVI – середина XVII в.), ранний модерн и Модернизация-1 (середина XVII – начало XIX в.), классический модерн и Модернизация-2 (начало XIX – конец XX в.).

русской и китайской социалистических революций соответствующие слабо интегрированные полупериферийные и периферийные зоны опять оказались выведены во внешнюю сферу капиталистической мир-системы. Так что говорить о глобализации по отношению к периоду, предшествующему падению железного занавеса не приходится.

Согласно И. Валлерстайну, последние десятилетия с конца XX века нужно интерпретировать как начало финального кризиса капиталистической мировой системы. Это спорное предположение, которое вполне может оказаться истинным, так что его стоит взять за основу гипотезы о перспективах мирового социального порядка. Однако конец XX века стоит рассматривать не с той позиции, которую предлагает Валлерстайн, а именно – как закат американской гегемонии (с 1991 г.). Период конца 1980-х – начала 1990-х гг. следует интерпретировать скорее как последний успех капиталистической мировой системы и американского гегемонизма. Именно тогда произошло финальное расширение мировой системы с включением постсоциалистической внешней сферы, которая становится капиталистической периферией или полупериферией.

Для перехода к глобализации требовалось достижение системного эффекта за счет одновременного развития глобализационных тенденций во всех основных сферах социальной жизни. Системный эффект дало соединение нескольких факторов. Помимо информационно-коммуникационной революции сюда относятся геополитическая – переход от биполярной системы к униполярной, и идеологическая – возрождение идеологии фритредерства и установление ее гегемонии. Информационно-коммуникационная революция качественно усилила возможности для централизованного управления обширными транснациональными сетями в режиме реального времени. Это, в частности, позволило многонациональным корпорациям перейти на новый уровень интернационализации – стать транснациональными. В геополитическом плане образуется однополярная система, точнее униполь⁷, где США лидируют в блоке стран Запада (плюс примкнувшие к ним Япония и некоторые другие), а совокупный Запад абсолютно (не только геополитически, но также геоэкономически и идеологически – через гегемонию либерализма⁸) доминирует в мире.

Но в этом успехе коренятся будущие проблемы. Вывоз капитала, повысивший норму прибыли корпораций и способствовавший усилению сервисной специализации стран Запада, одновременно с этим привел к их промышленному упадку и подъему КНР. Подъем ТНК привел к ослаблению института национального государства в странах ядра, что не характерно для предыдущего развития мира-экономики [Ohmae, 1995]. Добавим сюда еще ряд обстоятельств, таких как восстановление силы России, рост международной конкуренции, негативная реакция многих незападных народов на вестернизационное давление культурной глобализации – все это ставит под сомнение дальнейшее функционирование формирующейся глобальной системы. Мы наблюдаем перенапряжение капиталистической мир-системы, которая рискует пережить судьбу воздушного шарика,

⁷ О сути униполярной геополитической системы см.: [Страус, 1997].

⁸ О настроениях тогдашней интеллектуальной элиты и чувстве окончательного идеологического триумфа либерализма свидетельствует популярная работа Ф. Фукуямы [2005].

лопнувшего после максимального надувания. Глобализацию и деглобализацию можно интерпретировать как две фазы одного процесса – третьего великого перелома, связанного с финальным кризисом мира-экономики после его чрезмерного расширения и интеграции элементов, не согласных на периферийный статус. Остается открытым вопрос, расколется ли существующая мир-система на несколько региональных миров-экономик или переживет тотальную дезинтеграцию и трансформацию во что-то иное?

Итак, когда случились и случились ли вообще промышленный переворот и глобализация? Можно ли их назвать великими переломами Нового времени? Понятно, что выделение революционной эпохи – это определенная условность. Некоторые тенденции устойчиво проявляются на протяжении веков, так что их можно рассматривать как континуальный эволюционный процесс. Но иногда важно выделить определенный период, когда происходила качественная трансформация. В истории Нового времени, помимо собственно зарождения европейского мира-экономики, с достаточной обоснованностью можно выделить два великих перелома. Первый из них – промышленный переворот XIX века, когда совпали три процесса, связанные с изобретением парового двигателя: механизация фабричного производства, энергетическая революция и смена логистического уклада. Последнее способствовало существенному росту международного разделения труда, сделав весь мир «шестидесятидневным» в плане транспортной доступности. Все вместе это привело к существенному росту производительности труда. Наиболее впечатляющий экспоненциальный рост производительности труда, подушевого дохода и численности населения наблюдается скорее уже в XX веке, но все базисные основы для этого были заложены в период промышленной революции XIX века. Для старта процесса глобализации, помимо формирования развитой глобальной транспортной системы, потребовалось сочетание еще нескольких обстоятельств, сложившихся в единый комплекс в конце XX века: поглощение капиталистической мир-системой оставшихся крупных внешних зон, информационно-коммуникационная революция, установление геополитического униполяризма, доминирование в мировом масштабе идеологии неоллиберального глобализма, требующей максимальной открытости границ. Впрочем, судя по всему, формирующаяся в процессе глобализации глобальная капиталистическая система оказалась неустойчивой и рискует распасться под грузом внутренних противоречий.

Список литературы / References

- Валлерстайн И.** Глобализация или переходный период? // Экономические стратегии. 2000. № 2. С. 14–26.
- Wallerstein I.** Globalizacija ili perehodnyj period? [Globalization or transition period?]. *Economic Strategies*, 2000, no. 2, p. 14–26. (In Russ.)
- Валлерстайн И.** Мир-система Модерна. М.: Русс. фонд содействия образованию и науке, 2016 (а). Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке.

- Wallerstein I.** Mir-sistema Moderna [The World is a Modern system]. In: Tom I. Kapitalisticheskoe sel'skoe hozjajstvo i istoki evropejskogo mira-jekonomiki v XVI veke [Volume I. Capitalist agriculture and the origins of the European World-economy in the XVI century]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016. (a) (In Russ.)
- Валлерстайн И.** Мир-система Модерна. – М.: Русс. фонд содействия образованию и науке, 2016 (б). Т. III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730 – 1840-е годы.
- Wallerstein I.** Mir-sistema Moderna [The World is a Modern system]. In: Tom III. Vtoraja jepoha velikoj jekspansii kapitalisticheskogo mira-jekonomiki, 1730 – 1840-e gody [Volume III. The second epoch of the great expansion of the capitalist world-economy, 1730 – 1840s]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016. (b) (In Russ.)
- История экономических учений: Учеб. пособие / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М.: ИНФРА-М, 2003.
- Istorija jekonomicheskikh uchenij: Ucheb. posobie / Pod red. V. Avtonomova, O. Anan'ina, N. Makashevoj [History of economic studies: Studies. stipend / Edited by V. Avtonomov, O. Ananyin, N. Makasheva]. Moscow, INFRA-M, 2003. (In Russ.)
- Розов Н. С.** Когда началась эпоха модерна и закончилась ли она? // Сиб. филос. журн. 2018. Т. 16. № 2. С. 63–74.
- Rozov N. S.** Kogda nachalas' jepoha moderna i zakonchilas' li ona? [When did the era of modernity begin and did it end?]. *Siberian Philosophical Journal*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 63-74.
- Страус А. Л.** Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. 1997. № 2. С. 27–44.
- Straus A. L.** Unipoljarnost'. Koncentricheskaja struktura novogo mirovogo porjadka i pozicija Rossii [Unipolarity. The concentric structure of the New World Order and the position of Russia]. *Polis*, 1997, no. 2, p. 27-44. (In Russ.)
- Трубицын О. К.** Глобализация: новый термин или новое явление? // Философия: история и современность. 2004–2005: Сб. науч. тр. Ин-та философии и права Объединенного ин-та истории, филологии и философии СО РАН. Новосибирск ; Омск, 2005. С. 153–170.
- Trubitsyn O. K.** Globalizacija: novyj termin ili novoe javlenie? [Globalization: a new term or a new phenomenon?] In: *Filosofija: istorija i sovremennost'. 2004-2005: Sb.nauch. tr. In-t filosofii i prava Ob#edinennogo instituta istorii, filologii i filosofii SO RAN* [Philosophy: History and Modernity. 2004-2005: Collection of Scientific Research Institute of Philosophy and Law of the Joint Institute of History, Philology and Philosophy SB RAS]. Novosibirsk – Omsk, 2005, p. 153-170. (In Russ.)
- Трубицын О. К.** Ключевые социальные решения эпохи модерна // Сиб. филос. журн. 2020. Т. 18. № 2. С. 108–117.
- Trubitsyn O. K.** Kljuchevye social'nye reshenija jepohi moderna [Key social decisions of the Modern era]. *Siberian Philosophical Journal*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 108-117. (In Russ.)
- Фукуяма Ф.** Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2005.

- Fukuyama F.** Konec istorii i poslednij chelovek [The End of History and the Last Man]. Moscow, AST: Ermak, 2005. (In Russ.)
- Хейлбронер Р., Туrow Л.** Экономика для всех. Новосибирск: Экор, 1994.
- Heilbroner R., Turow L.** Jekonomika dlja vseh [Economics for everyone]. Novosibirsk, "Ecor", 1994. (In Russ.)
- Cline E. H.** 1177 B. C. The year civilization collapsed. Princeton and Oxford, Princeton University Press, 2015.
- Diskinson O.** The Aegean from Bronze Age to Iron Age. Continuity and change between the twelfth and eighth centuries B. C. New York, Routledge, 2006.
- Ohmae K.** The End of the National State: The Rise of the Regional Economies. London, HarperCollins, 1995.
- Frank A. G., Gills B. K.** The world system: five hundred years or five thousand? London & New York: Routledge, 1993.

Информация об авторе

Трубицын Олег Константинович

Кандидат философских наук
доцент Новосибирского государственного университета, (ул. Пирогова, 1,
Новосибирск, 630090, Россия)

Information about the Author

Oleg K. Trubitsyn

Candidate of Science (Philosophy)
docent Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian
Federation)

*Статья поступила в редколлегию 16.05.2022;
одобрена после рецензирования 29.05.2022; принята к публикации 15.06.2022
The article was submitted 16.05.2022;
approved after reviewing 29.05.2022; accepted for publication 15.06.2022*